

УДК 80+89

**ТЕМА НАУКИ В РОМАНЕ «ВДАЛИ ОТ РОДНЫХ СТЕПЕЙ»
Ч. ЦЫДЕНДАМБАЕВА**© *Серебрякова Зоя Александровна*

доктор филологических наук, профессор,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
E-mail: serebryakovaza@mail.ru

В статье рассматривается тема науки в романе бурятского писателя Ч. Цыдендамбаева «Вдали от родных степей» о первом бурятском ученом с европейским образованием Доржи Банзарове. Заметное место в романе занимают образы ученых. Особой художественной убедительности писатель достиг в создании образа Н. И. Лобачевского. Главный герой романа, студент выпускного курса Казанского университета, Доржи Банзаров относительно полно показан как патриот России и преданный сын родного народа, в меньшей степени – как исследователь. Процесс научного творчества в романе нередко изображен в патетическом ключе. Это обусловлено новизной темы науки для бурятского романа. Тем не менее первый опыт ее освоения, несмотря на существенные недостатки, оказался успешным. В бурятской литературе появился тип профессионального ученого. Разработка темы науки стала достижением романного мышления, свидетельством качественного роста национальной литературы.

Ключевые слова: наука; научное творчество; интеллектуальная деятельность; ученый; университет; монголы; ориенталист; роман; тема науки; бурятская литература.

Для цитирования

Серебрякова З. А. Тема науки в романе «Вдали от родных степей» Ч. Цыдендамбаева // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып 3. С. 36–43.

Тема науки привлекала внимание многих советских писателей, среди них А. Толстой, Вс. Иванов, А. Платонов, М. Булгаков, А. Беляев, В. Катаев и др. Разрабатывалась она в жанре романа, который отличается выявлением существенных тенденций развития действительности с масштабностью художественного обобщения, или сопрягает «пределы автобиографической конкретности и философской обобщенности, изображая становление Человека в конкретной личности» [13, с. 139].

Благодаря основательности разработки характеров, глубине анализа внутреннего мира человека в нем имплицитно содержатся широкие возможности для постижения личности творца в области такой интеллектуальной сферы, как наука, и в целом научного творчества, которое до сих пор остается во многом таинственной сферой деятельности человека.

Для молодых литератур народов России эта тема была новой. Первым опытом ее воплощения в бурятской романистике стала диалогия Ч. Цыдендамбаева о первом бурятском ученом с европейским образованием, второй том которой назывался «Түрэл нютагһаа холо» («Вдали от родных степей») и вышел в 1957 и 1959 гг., отдельной книгой в 1962 г.

На фоне историко-революционных романов с их антитезой дореволюционного прошлого и советского настоящего и во многом типовым набором персонажей действие в романе разворачивается в основном в университетской Казани первой половины XIX в. Главным героем является студент выпускного курса Казанского университета Доржи Банзаров, работающий над диссертацией о шаманизме монголов. Часть персонажей – студенческая молодежь, представители научной интеллигенции, в том числе выдающиеся ученые Н. И. Лобачевский и О. М. Ковалевский.

Образ Лобачевского лаконичен, емко и многогранен. Суть характера великого математика раскрыта в ключевом эпизоде – беседе с Банзаровым. Речь идет о трудной судьбе теории ученого: «Да, он снискал себе уважение и почет как профессор, как успевающий администратор и как отзывчивый человек. Но его до сих пор не понимают и не хотят знать как ученого, который несет в науку новые начала» [14, с. 97]. Тем не менее Лобачевский неустанно пестует новые поколения ученых, способных самостоятельно мыслить, трезво смотреть на жизнь, жаждать знаний, трудолюбивых, терпеливых, взыскательных, справедливых, внимательных, имеющих «истинные понятия о чести, любовь к отечеству...» [14, с. 90]. Показан интерес ректора и к конкретным студентам, особенно к выпускникам, работы которых он читает не формально, а с глубоким человеческим интересом, стремясь «постичь смелость суждений, глубину мысли» [14, с. 86–87].

В диалоге с Доржи проявляются демократизм, открытость, заботливость Лобачевского, который помог юноше выбрать перспективную тему для диссертации. Акцентируется человечность великого математика, выделена такая деталь портрета, как ласковый и требовательный взгляд, от которого у Доржи «было такое ощущение, будто Николай Иванович заглянул внутрь, сразу все там увидел и понял» [14, с. 91].

Лобачевский, отмечая одаренность Банзарова, считает, что с его талантами «надо всего себя, без остатка посвятить науке» [14, с. 328]. Для Банзарова ценен интерес наставника к его далекой родине, народу и языку. Именно Лобачевский отправил в Забайкалье Ковалевского, благодаря чему в «Казанских ведомостях» появились статьи «Поездка из Иркутска в Ургу», «О забайкальских бурятах» и другие.

Писатель дополнил характер Лобачевского штрихами, свидетельствующими о его организаторском таланте, энергичности, дипломатичности и даже об умелом управлении, отмеченном медалью Московского общества сельского хозяйства, своей деревенькой.

Критика положительно оценила этот образ. В. Б. Махатов назвал посвященные ему страницы лучшими в произведении [6, с. 34]. Участники обсуждения романа в Союзе писателей РСФСР в 1959 г. отметили как удачу Цыдендамбаева создание им русского характера, в том числе и образа Лобачевского.

Другой персонаж – крупный востоковед О. М. Ковалевский, научный руководитель Банзарова, появляется в романе лишь в сцене защиты диссертации. Но это имя плотно вплетено в повествование: оно звучит в диалоге ректора с Банзаровым, возникает в воспоминаниях последнего о предоставленных ему материалах, в мысли коллеги о скором дне рождения профессора, во фрагменте, рассказывающем о долгом разговоре Доржи с наставником. Осип Михайлович

предупреждает Банзарова о том, что от Лаута на защите следует ожидать враждебных выпадов.

К сожалению, за пределами внимания писателя остался внутренний мир этой значимой для Банзарова личности, а также важный для раскрытия темы науки процесс совместного поиска ими истины. Мы скорее верим, чем видим, что Ковалевский «человек богатой, обаятельной души» и «передовой ученый» [6, с. 35].

Более выразительным и рельефным получился образ инспектора университета Лаута. В его облике акцентированы черты неоднократно изображенного в русской литературе немца-ученого: это педантизм, самодовольство и тщеславие [3, с. 252], а также надменность и пренебрежение к России, ее народам и науке, нравственная нечистоплотность, стремление вывести из равновесия защищающихся диссертантов, ненависть к Банзарову, отказавшемуся быть доносчиком.

Что касается образа Банзарова, то он многоплановый, стремящийся к эпичности: герой показан не только в Казани, но и в Приволжье, во взаимодействии с множеством персонажей и в разных ситуациях. Это любознательный, искренний, энергичный, окруженный друзьями, влюбленный в прекрасную девушку молодой человек. «Он... не является кабинетным ученым..., не знающим практической жизни... Это соответствует подлинному облику исторического прототипа героя», – отмечал В. Ц. Найдаков [8, с. 124].

Удалось ли писателю решить сверхзадачу – раскрыть суть характера молодого ученого в профессиональной его ипостаси и показать своеобразие его личности?

Доржи Банзаров достаточно полно охарактеризован как гражданин и патриот, сын России и своего народа: он мечтает просвещать и прославлять родной народ, защищать его от несправедливости, хочет оставить след в истории. Это выглядит естественным проявлением его характера, отражением духовных устремлений передовой молодежи XIX в. Не случайно о стремлении Банзарова и его товарищей честно служить науке и отечеству говорит на защите их диссертаций Н. И. Лобачевский.

Менее убедительно, через реплики и монологи, показан Банзаров как исследователь. В ответ на слова малознакомого собеседника о том, что простому смертному стать большим ученым почти невозможно, он горячо возражает: «Я не о личной славе мечтаю! ... Каждый ученый своими научными занятиями возвышает свой народ. Если все – киргизы, якуты, калмыки, армяне, грузины, буряты – <...> принесут в науку свои дары, как обогатится отечество, как возвеличится его слава!» [14, с. 25–26]. Автор вплетает в текст много его высказываний о преданности науке, о том, что он считает потерянными дни, когда не прочел или не записал чего-то нужного для работы, что много трудится, а возможные в его труде ошибки не от лени или равнодушия. Действительно, ни лени, ни равнодушия в его характере нет: наоборот, герой с энтузиазмом говорит о своей теме, в том числе перед случайными слушателями. Защитив диссертацию и не зная еще решения комиссии, думает, что даже в случае неудачи не отступится от цели и докажет свою правоту.

Большинство этих заявлений объективно противоречат его образу жизни. По В. Ц. Найдакову, «все время, отведенное ему в романе, герой тратит на разго-

воры с друзьями.., на любовные переживания, на посещение в обществе Угрюмова чудаковатых помещиков» [9, с. 142].

Детальное изображение повседневной жизни придает, с одной стороны, достоверность, «полноту и интенсивность частной и общей жизни», позволяет увидеть героя «в большом целом жизни» [10, с. 50, 66]. С другой – обыденная жизнь оказалась основной сферой его активности, в ее орбиту надолго попали такие чуждые ему люди, как помещик и кутила Угрюмов. Бытовая жизнь событийно перенасыщена, а научные интересы оттеснены на периферию. Следствием этого стало недостаточно убедительное раскрытие научного творчества Банзарова.

Для показа научного творчества Доржи Банзарова писатель обращается к идее новизны работ героя. Именно об этом говорит Лобачевский: защищаемые диссертации написаны на никем еще не затронутые темы [14, с. 197]. Между тем новизна темы еще не гарантирует новизны результата.

Научное творчество основывается на глубоком познании предмета изучения, которое способствует постижению истин все более глубокого порядка. Поэтому более логично было бы вложить в уста великого ученого слова о том, что у диссертантов, написавших первый научный труд, были и предшественники, чьи идеи, методы и открытия стимулировали научный поиск диссертантов.

Писатель воспроизводит важные положения, высказанные Банзаровым и оценившим его работу Ковалевским. Доржи Банзаров говорит о сборе и систематизации разрозненных сведений как о важнейшей основе собственной концепции: «Не только европейцы, но и сами монголы не имели такого сочинения, которое бы содержало систематическое и полное изображение черной веры; все, что было говорено о ней, было разбросано по разным сочинениям, из которых иногда приходится выбирать по одному слову» [14, с. 200]. Ковалевский отмечает в качестве нового и смелого такое положение диссертации своего ученика: «В условиях развития монгольских племен черная вера возникла самостоятельно» [14, с. 206].

Другое утверждение Банзарова, воспринятое его последователями, состоит, по мнению Ц.-А. Дугар-Нимаева, в том, что многие шаманские понятия и обряды «перешли в буддизм в несколько измененном виде», а затем «ламы прибавили к ним новые, более сообразные с новой религией» [1, с. 20]. В романе это взаимодействие религий приобрело упрощенное толкование: получается, Доржи обвинил лам в присвоении созданных народом духовных ценностей. Банзаров осовременен, когда в духе атеизма советского периода призывает «отобрать эти творения у шаманов и лам ...и вернуть простым людям» [14, с. 75]. В каком-то смысле это отступление от принципа историзма, ведь очень часто имеет место конструирование «истории и исторической личности в соответствии с представлениями своего времени» [5, с. 68].

Значительно более трудной оказалась задача художественного воспроизведения самого творческого процесса, за что его справедливо критиковали. «Нам казалось, – писал Ц.-А. Дугар-Нимаев, – что в романе должны найти себе место страницы о творческом труде Доржи Банзарова, о том, как он приходит к своим глубоко оригинальным выводам и обобщениям» [2, с. 157]. В. Ц. Найдаков считал, что эта сторона деятельности Банзарова «оказалась в романе затушеванной» [9, с. 142].

В отображении процесса научного творчества в романе доминирует характерная для отечественной литературы тех лет патетика, связанная с концептами костра, огня, других стихий, кипения, стремительного течения и т. п. Иными словами, автор обращает внимание на интенсивность процесса творчества. В такой тональности выдержан внутренний монолог центрального героя о том, что он «горит на великом костре науки, его продувают, пронизывают все ветры девятнадцатого столетия...» [14, с. 5], и признание Банзарова товарищу о работе над диссертацией: «А в голове, в сердце у меня все кипит, все водопадом клокочет! И огонь с треском пылает...» [14, с. 5]. В этих фрагментах очевидны еще актуальные во время написания романа мотивы, сопряженные с революцией.

Осовременивание образов науки видим в сравнении Ковалевским научного прогресса с «бурным потоком, текущим со стремительной силой» [14, с. 207]. Именно идею потока прозаик выбрал в качестве основного тезиса его речи на защите диссертации Банзарова. Это напоминает нам первые бурятские романы Ж. Тумунова, Х. Намсараева с их образами проснувшейся степи и утренней зари, сравнение грозы с социальной бурей.

Акцент на интенсивности творческого процесса помешал прозаику показать его сущность, которая не обязательно имеет наглядное внешнее выражение. Озарению, как правило, предшествует длительная подготовительная работа, а раздумья и сомнения не всегда выражаются столь непосредственно, бурно и наивно, как у молодого ориенталиста.

Разумеется, в творчестве велика роль переживаний и интуиции, и в этом случае внутреннее состояние героя передано адекватно: его волнение перед защитой диссертации, увлеченность и страстность на защите. Эмоциональность героя доведена даже до признания, что он влюблен в тему своей диссертации.

Однако повествование перегружено фразами во славу науки. Отсюда впечатление некоторой легковесности и незрелости Банзарова, что трудно объяснить возрастом 25-летнего героя, тем более имеющего опыт десятилетнего пребывания вдали от семьи и родных мест. В. Ц. Найдаков полагал, что в описываемый период он должен был быть иным: «Банзаров предстает перед читателем как европейски образованный человек, владеющий семью языками и прочитавший сотни книг, обогативших его ум и душу знанием жизни и истории разных народов. Это человек, проживший совсем не легкую жизнь и имеющий немалый жизненный опыт» [9, с. 138–139].

Одной из немногих более или менее развернутых попыток передать суть интеллектуальных поисков Банзарова являются его суждения при наблюдении за зловещей тучей, соотнесенные им с аналогичными впечатлениями далеких предков, вероятно, давшими импульс для появления их верований.

Ценным заделом для показа научного творчества героя явился первый роман дилогии о детстве будущего ученого – «Банзарай хүбүүн Доржо» («Доржи, сын Банзара», 1952), в котором убедительно раскрыта тяга мальчика к знаниям, наблюдательность, любознательность, вдумчивость, живой пылкий ум, упорное стремление дойти до сути вещей и явлений. Размышляя над причинами непонятного для него социального устройства улусного общества, маленький герой с детской непосредственностью и с недетской умудренностью констатирует: «Много, очень много на свете непонятного» [15, с. 180–181].

Полагаем, что интеллектуальные задатки главного героя своего первого романа Ч. Цыдендамбаев рассматривал как проявление таких черт национального характера, как стремление к знаниям, почитание мудрости и образованности [11, с. 63–64].

Сформировавшаяся в детстве картина, или образ мира, и служит одним из импульсов для творчества. «Главный вклад в построение образа предмета или ситуации вносят не отдельные чувственные впечатления, а образ мира в целом» [12, с. 142–143], и это на примере анализа национальных образов мира ярко показал Г. Д. Гачев. В процессе деятельности в соответствии с ее целями и задачами творец активно трансформирует сложившийся в его сознании образ мира.

Писателю удалось выявить роль образа мира в творчестве Банзарова-ученого. В его сознании всплывают элементы изначального образа мира: родные края, события детства, лица земляков, с которыми он не теряет связи и, ощущая себя неотъемлемой частицей родного народа, по мере сил помогает им. В детских впечатлениях видит он истоки своего труда: «Очень часто я роюсь в ларце своей памяти и нахожу там полезное. То, что я в своем улусе Ичетуе видел, все припоминается, все нужное, когда работаю... И как полезно мне сейчас, что в детстве я видел камлания.., что мне довелось быть на вершине горы Баян-Зурхэн во время тайлагана – шаманского жертвоприношения. Эти воспоминания для меня теперь как находка, бесценный клад. Мне порой кажется, что я начал свой труд не здесь, не в Казани, а в далеком детстве...» [14, с. 15].

Именно эту удачу Ч. Цыдендамбаева справедливо отмечает С. С. Имихелова: «...Талант и ум первого бурятского ученого показаны как проявление богатства духовной жизни народа, как закономерное его выражение» [4, с. 42].

К сожалению, эти фрагменты теряются в бытописании казанской жизни, среди множества ненужных и необязательных персонажей, мало связанных с научной деятельностью Банзарова. Мало показана работа его товарищей по учебе, лишь обмен краткими репликами с обучающимся в духовной академии Алексеем Бобровниковым о том, что тот тяготеет своим будущим саном и мечтает посвятить себя грамматике монгольских языков, просвещать народ, быть ему другом и советчиком.

Итак, и собственно процесс научной деятельности главного героя, и Банзаров как талантливый ориенталист, яркая, оригинальная творческая личность оказались в романе недостаточно раскрытыми. Следует согласиться с В. Ц. Найдаковым в том, что «мы не видим в романе мощи его интеллекта.., не видим душевной глубины, ясности, крепости... Нет того блеска «примечательной личности», о котором писал известный востоковед П. С. Савельев в некрологе о Банзарове» [7, с. 54]. Герой показан в пылких речах, а время проживания перипетий интеллектуального поиска, процесса рождения научной идеи, размышления над сложными проблемами, или, по А. Маслоу, испытывания «спонтанных пиковых переживаний», видимо, для бурятской литературы того времени еще не пришло.

Тем не менее первую попытку раскрытия в бурятском романе темы науки можно считать состоявшейся. Сам по себе новый тип героя – профессионального ученого – был весьма значим для творчества Ч. Цыдендамбаева и для развития бурятского романа. Очевидно, такое внимание героям-интеллигентам писатель смог уделить из-за некоторого ослабления с середины 1950-х гг. идеологическо-

го вектора в советской литературе. Появление такого типа образа было безусловным достижением романного мышления, свидетельством качественного роста национальной литературы.

Литература

1. Дугар-Нимаев Ц.-А. Доржи Банзаров как источниковед // Банзаровские чтения, посвященные 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. С. 19–21.
2. Дугар-Нимаев Ц.-А. Новое знакомство с романом «Вдали от родных степей» // Байкал. 1962. № 3. С. 153–157.
3. Жданов С. С. Ученость «Германии туманной»: к комическому образу немецкого ученого в русской литературе конца XVIII – начала XX в. // Вестник Сиб. гос. ун-та геосистем и технологий. 2017. Т. 22, № 44. С. 243–256.
4. Имixelова С. С. Личность и национальная картина мира в бурятском романе // Россия – Азия: механизмы сохранения и модернизации этничности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. С. 41–43.
5. Имixelова С. С. Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 216 с.
6. Махатов В. Б. Проблемы социалистического реализма в бурятской литературе. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 103 с.
7. Найдаков В. Ц. Народ, время, писатель. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 128 с.
8. Найдаков В. Ц. Непроторенными путями. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. 224 с.
9. Найдаков В. Ц. Современные писатели Бурятии (Литературные портреты и очерки). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 183 с.
10. Рымарь Н. Т. Введение в теорию романа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 270 с.
11. Серебрякова З. А. Национальный характер в бурятском историческом романе. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2008. 103 с.
12. Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985. 232 с.
13. Тамарченко Л. С., Тамарченко Н. Д. «Мартин Иден» Джека Лондона. Сюжет и жанр // Типологический анализ литературного произведения. Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 1982. С. 128–140.
14. Цыдендамбаев Ч. Вдали от родных степей / пер. с бурят. М. Н. Степанова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 394 с.
15. Цыдендамбаев Ч. Доржи, сын Банзара / авториз. пер. с бурят. Мих. Степанова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 421 с.

THEME OF SCIENCE IN THE NOVEL BY CH. TSYDENDAMBAEV «AWAY FROM THE NATIVE LAND»

Zoya A. Serebryakova
Dr. Sci., A/Prof.,
East-Siberian State Institute of Culture
1 Tereshkovoy St., Ulan-Ude, 670031, Russia
E-mail: serebryakovaza@mail.ru

The article analyses the science theme in the novel by Buryat writer Ch. Tsydendambaev «Away from the native land» which tells about the first European educated Buryat scientist Dorzhi Banzarov. Images of scientists occupy a prominent place in the novel.

The writer has achieved special artistic persuasion in creating the image of N. I. Lobachevsky. The main hero of the novel, senior year student of Kazan university Dorzhi Banzarov shown relatively fully as a patriot of Russia and devoted son of the native people, to a lesser degree he is shown as a researcher. The process of scientific creativity in the novel is often depicted in a pathetic way. This is due to the novelty of the science theme for Buryat novel. Nonetheless, despite significant shortcomings the first practice of it's development proved to be successful. The type of a professional scientist has been emerged in Buryat literature. The development of the science theme became an achievement of novel thinking, an evidence of quality growth of the national literature.

Keywords: science; scientific creation; intellectual activity; scientist; university; Mongols; orientalist; novel; the science theme; Buryat literature.